

КОНОПОВ А. Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Становление и развитие тюркского языкознания в советскую эпоху¹ непосредственно связано с решением ряда насущных практических задач, возникших при реализации ленинской национальной политики в области преподавания родного языка и его функционирования в общественно-политической жизни тюркоязычных народов и народностей.

Социолингвистический анализ функционирования и развития тюркских языков — это сравнительно новое направление в тюркском языкознании постепенно стало привлекать к себе все возрастающее внимание советских тюркологов.

Взаимодействие тюркских языков между собой и тюркских языков с русским в эпоху развитого социализма в СССР представляет собой явление исключительного значения как для языкознания, так и для социологии [5, 6]. Тюркские языки с их длительной историей дают исследователю интересный и важный материал для изучения процессов функционального и внутривидового развития языков социалистических наций (см., например, [7; 4, с. 27—33]), особое влияние на которые оказывает русский язык — язык межнационального общения. Углубленному изучению воздействия русского языка на всестороннее развитие тюркских — особенно письменно-литературных языков — посвящены многочисленные исследования (статьи, монографии, диссертации), имеющие и определенное практическое значение.

Расширение общественных функций литературных языков народов СССР обогатило эти языки разнообразной терминологией, охватывающей все отрасли экономики, науки и культуры. Бурное развитие художественной, общественно-политической, научной литературы, многообразие форм использования литературных языков привели к перестройке некоторых фонетических и синтаксических норм в ряде тюркских языков.

В настоящее время перед тюркологами-лингвистами стоят важнейшие задачи практического характера: расширение терминологической базы национальных тюркских языков, дальнейшая нормализация литературных языков и широкая работа по вопросам культуры устной и письменной речи. Реальные шаги требуют и задачи совершенствования алфавитов и орфографий (см. [8], а также [1, с. 23, примеч. 11]).

Русский язык — язык межнационального общения в Советском Союзе, многочисленные переводы общественно-политической, художественной, технической литературы на тюркские языки (равно как и на другие языки) играют положительную роль, оказывая благотворное влияние на развитие и обогащение синтаксиса, морфологии, фонетики и лексики тюркских языков.

Исследование грамматики и фонетики тюркских языков в синхронном плане — создание научно-теоретических трудов, а также практических пособий является одной из важных задач советского тюркского языкознания, которые, в основном, успешно решаются. В дооктябрьский период, на уровне своего времени, был описан грамматический строй (преимущественно морфология) чувашского, та-

¹ Анализ достижений советского тюркского языкознания и современных задач, стоящих перед ним, с указанием большой литературы посвящен ряд обзоров, в частности [1—3; 4, с. 12—34, 99—141, 206—210]. Многие проблемы, названные ранее, сохраняют свою актуальность и поныне, поэтому автор, избегая повторов, в некоторых случаях лишь кратко указывает на них, давая самую последнюю литературу и отсылая за подробностями к другим источникам.

тарского, турецкого, азербайджанского, кумыкского, якутского, алтайского, казахского, тувинского языков².

В советскую эпоху все тюркские языки СССР, а также турецкий язык неоднократно получали научные описания различной степени полноты. 70-е—80-е годы ознаменованы появлением новой серии грамматик, написанных коллективами ученых тюркоязычных республик и представляющих собой серьезные, а во многих случаях и фундаментальные исследования грамматического строя языков: татарского (М., I, 1969; II, 1971), туркменского (вышло два тома — Ашхабад, I, 1970; II, 1977), азербайджанского (Баку, 1971 — на русск. яз.; в трех томах на азерб. яз. — вышло два тома: I, 1978; II, 1982), хакасского (М., 1975); карачаево-балкарского (Нальчик, 1976), узбекского (в двух томах на узб. яз. — Ташкент, 1976), башкирского (М., 1981), якутского (М., 1982). Эту серию открывал вышедший несколько ранее труд казахских языковедов (Алма-Ата, 1962), который к настоящему времени, по-видимому, уже нуждается в обновлении. В связи с последним хочется подчеркнуть, что работа над грамматиками (как и над словарями) активно функционирующих тюркских языков должна вестись в соответствующих научных коллективах непрерывно. Углубление и накопление знаний, фиксация объективных изменений в языке, совершенствование приемов описания — все это осуществляется в исследованиях более частного порядка, которые затем с определенной периодичностью (10—15 лет) необходимо обобщать в фундаментальных академических грамматиках.

Заметны достижения в области изучения фонетического строя тюркских языков, прежде всего с использованием экспериментальных методов. Расширение сети лабораторий экспериментально-фонетических исследований (наряду с Ленинградом — Новосибирск, столицы тюркоязычных союзных и автономных республик и областей и некоторые др. города), оснащение их разнообразной аппаратурой, подготовка квалифицированных кадров, совершенствование инструментальных приемов и методики анализа³ позволили уже выполнить большое число работ той или иной степени частности, затрагивающих отдельные стороны (вокализм, консонантизм, акцентуация и т. п.) или фрагменты (длительность гласных, характер противоопоставления согласных и т. п.) звуковых систем [2, с. 13—14, примеч. 2]; к сожалению, медленно идет обобщение полученных данных, и создание подобных трудов по многим из тюркских языков остается насущной задачей наших фонетистов. Отрадно, что исследованиями охвачены некоторые диалекты, существенно отличающиеся от соответствующих литературных языков — речь долган, шорцев, барабинцев, телеутов [2, с. 14, примеч. 3], кумандишцев⁴ [11] и др.

Привлечение нового исследовательского материала по всем аспектам языка — фонетике, грамматике, лексике — вообще является доброй традицией советской тюркологии (в этой связи уже приходилось отмечать наши несомненные успехи [1, с. 16]; из новых книг добавим [12—14]). Наряду с ростом фактологической базы немалое значение имеет и неуклонное повышение теоретического и методического уровня описания языковых явлений. Этому весьма способствует постоянное и широкое обсуждение целого ряда узловых вопросов тюркской грамматики. В области морфологии — это теория частей речи и функциональных форм, теория грамматических и лексико-грамматических категорий (залога, числа, вида и аспекта и т. п.), морфологическая структура слова и т. д. (см., к примеру, [15—17]). В области синтаксиса — это теория словосочетания и предложения (особенно сложного и сложноподчиненного), разработка которых на широком и разнообразном материале во многом остается заслугой советских тюркологов. Весьма актуальна здесь задача четкого разграничения разновидностей предложения — простого, осложненного и сложного. В этой связи дает о себе знать старый, не решенный до конца вопрос о различии между именными и глагольными пред-

² Подробнее об основных направлениях в изучении грамматического строя тюркских языков в дореволюционный период см. [9, с. 299—307].

³ Наглядное представление обо всем этом можно почерпнуть в [10].

ложениями, а также о природе функциональных форм глагола — причастия, деепричастия, глагольным имени (масдаре), образующих конструкции с грамматически выраженным подлежащим или без него; подобные конструкции со своим подлежащим некоторые советские синтаксисты вслед за известным французским тюркологом Жаном Дени (1879—1963) считают возможным рассматривать как особую синтаксическую категорию, которую Дени назвал quasi-proposition. Однако само слово quasi разрушает всё построение, так как оно в применении к грамматическому объекту смысла не имеет: все может быть quasi!

Последнее время наибольшее число сторонников приобретает точка зрения, согласно которой подчиненное (придаточное) предложение должно иметь форму предложения, т. е. совпадать по форме с самостоятельным предложением; при этом имеется в виду, что подчиненная часть семантически проявляет себя только вместе с главным (подчиняющим) предложением.

Специалист по германским языкам В. Г. Адмони в статье «Сложносоединенное предложение в тюркских языках. (Заметки нетюрколога)» (СТ, 1982, № 3) предложил ввести трехчленную парадигму сложного предложения: сложноподчиненное предложение (паратаксис), сложноподчиненное предложение (гипотаксис), сложносоединенное предложение (гипертаксис). Эту продуктивную идею В. Г. Адмони поддержал и критически развил М. З. Закиев в статье «Актуальные проблемы сложных предложений в тюркских языках» (СТ, 1983, № 3).

При решении вопроса о природе сложного предложения необходимо иметь в виду малое количество подчинительных союзов тюркского происхождения; в современных тюркских языках, литературы на которых развивались под воздействием арабского и персидского языков, подчинительные союзы в основном — заимствованы из названных языков; союзные сложноподчиненные предложения соответствуют строю сложного предложения индоевропейских языков. Что же касается бессоюзного сложноподчиненного предложения, то в этом случае его структура определяется: 1) лексическим значением сказуемого подчиняющей части сложного предложения; 2) морфологическим оформлением сказуемого подчиненной части сложного предложения; 3) интонацией («союзной паузой»); 4) косвенно-вопросительной конструкцией (косвенно-вопросительное подчинение) [18].

В тюркологии появляются первые работы по перспективному направлению семантического синтаксиса [19—21]. Очень интересно работает в Новосибирске на материале тюркских и других языков коллектив под руководством М. И. Черемисиной, выпустивший ряд сборников, главным образом, по синтаксису сложного и осложненного предложения [22—24]. Глубокое исследование одной из центральных категорий синтаксиса — предикативности предпринято в ряде статей и обобщающей монографии Р. Г. Сибататова [25].

Исследование звукового и грамматического строя тюркских языков ведется также в сравнении с иносистемными — индоевропейскими языками, что отвечает насущным требованиям успешного преподавания родного и иностранных языков в средней и высшей школе тюркоязычных республик и областей Советского Союза. Особое значение в тюркских контрастных исследованиях имеет сопоставительное изучение фонетики и грамматики русского и тюркских языков. Дальнейшие достижения в этой важной отрасли тюркского языкознания связаны с углубленной разработкой методики подобных работ.

Сравнительно-историческая и историческая фонетика и грамматика тюркских языков — отрасли, которые достаточно активно развиваются в последние 10—15 лет (солидный обзор проблематики и большую библиографию, отечественную и зарубежную, содержит [26]). Этот период ознаменовался у нас созданием важных трудов, среди которых назовем прежде всего три книги А. М. Щербака [Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970; Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977;

(Глагол). Л., 1981], книгу Н. З. Гаджиевой (Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973) и учебные пособия М. Г. Федотова (Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары, 1975) и Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979). В секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР завершается создание четырехтомного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (Т. I. Фонетика; объявлен выходом в 1984 г.).

Названные работы характеризуются стремлением авторов — наших ведущих компаративистов последовательно применить различные — традиционные и некоторые новые — приемы сравнительно-исторического метода. Однако тюркские языки ввиду своей исключительной структурной близости, когда, скажем, облик праформы во многих случаях фонетически и семантически почти не отличается от подавляющего большинства ее рефлексов, дают мало «материала» для их эффективного использования. Вот почему, я думаю, как справедливо отмечено, «перед тюркской компаративистикой стоит еще немало нерешенных проблем, как, например, установление критериев определения древности форм, способов расположения реконструируемых архетипов в одной хронологической плоскости, способов отделения древних реликтовых явлений от новообразований, отработка метода относительной хронологии появления звуков, слов, форм, определения исконных черт и отграничение их от особенностей, возникших под влиянием других языков, и т. д.» [26, с. 211].

Историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков, несмотря на некоторые, в том числе удачные, опыты [27—29], все еще не вышли из стадии предварительных изысканий. Серьезные затруднения в этой работе вызывает то обстоятельство, что тюркские письменные памятники в большинстве своем не представляют единой линии развития. В истории письменно-литературных тюркских языков более и менее отчетливо намечаются следующие периоды: I. Язык тюркских рунических памятников (VII—IX вв.); II. Язык древнеуйгурских памятников (IX—XIII вв.); III. Язык памятников караханидской эпохи (X—XIII вв.); IV. Литературный язык улуса Чагатай и улуса Джучи—Золотой Орды (XIV—XVI вв.); V. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV в.

В XIV в. на просторах Золотой Орды, Средней Азии и Египта возникла довольно обширная литература, лингвистической основой которой были смешанные языки: огузско-кыпчакский, кыпчакско-огузский, огузо-туркменский, староузбекский, карлукско-уйгурский (см. подробнее [30, 31], ср. [32]). Эта пестрая, неоднородная картина развития языка тюркских литературных памятников весьма осложняет задачу создания обобщающего исследования по истории тюркских языков.

Позднее, в XVII и последующих веках начинают складываться основные типы тюркских языков, получивших впоследствии статус национальных и языков народностей. Исследование истории сложения этих языков является одной из первоочередных задач.

В связи с историей образования и развития чувашского и татарского языков обсуждаются проблемы отношения названных языков к языку болгар [33—37]. С сожалением следует отметить, что хазарская проблема не привлекает внимания тюркологов-лингвистов.

Для достижения заметных успехов в области исторической грамматики необходимо выполнить большую предварительную работу: подготовить свод диалектных данных по фонетике, грамматике и лексике отдельных тюркских языков, которые затем должны быть сведены в компендиум, представляющий семью тюркских языков в целом. То же самое следует проделать по всем основным памятникам тюркской письменности, сведя их в общую систему диалектных данных и данных, извлеченных из памятников литературы.

Дальнейшее продвижение в деле исторических исследований находится в прямой зависимости от разработанности тюркского лингвисти-

ческого источниковедения, основная задача которого заключается в выявлении, археографическом описании, изучении и издании по строго определенной — единообразной — схеме памятников тюркской письменности всех жанров: поэзия, проза, исторические хроники, словари, глоссарии, грамматические трактаты.

При подготовке к изданию рукописного труда во весь рост встает проблема тюркской текстологии — основе основ исследования любого памятника письменности. Текстологическому изучению тюркских памятников письменности уделяется сравнительно (с их филологическим значением) немного внимания, хотя и в этой области заметно некоторое оживление (П. Шамсиев, Х. Сулейманов, С. С. Джикия, Г. Араслы, К. Каримов, М. Тахмасиб, Дж. В. Магарамов, Е. И. Маштакова, Ф. А. Салимзянова, Э. И. Фазылов, Я. С. Ахметгалиева).

Одна из самых сложных областей тюркского источниковедения — издание древнейших памятников — получила развитие в опубликовании Д. Д. Васильевым «Корпуса тюркских рунических памятников бассейна Енисей» (Л., 1983), а также во 2-м выпуске «Эпиграфики Киргизии» Ч. Джумагулова (Фрунзе, 1982). Не прекращалась разработка грамматического строя языка [38, 39] и палеографии [40] тюркской руники. Собрание древнеуйгурских источников пополнилось книгой Л. Ю. Тугушевой «Фрагменты уйгурской версии Сюань-цзана» (М., 1980). Продолжалось также текстологическое изучение древних памятников на основе выявления закономерностей их организации как текстов определенных жанров [41, 42]. Осуществляется подготовка ряда важных изданий: корпуса болгарских надписей (Ф. С. Хакимзянов), 2-го издания сутры «Золотой блеск» (Э. Р. Тенишев), описание уйгурских рукописей из фондов ЛО ИВ АН СССР (Л. Ю. Тугушева и Э. Р. Тенишев).

Выдающийся памятник караханидско-(карлукско-)уйгурской поры поэма «Кутадгу билиг» (1069/1070 г.) Юсуфа Баласагунского представлен теперь мастерски выполненным С. Н. Ивановым поэтическим переводом на русский язык (серия: Литературные памятники. М., 1983); однако в лингвистическом плане памятник в полном объеме еще не изучен.

Последнее время вновь привлекают внимание тюркологов «Кодекс Куманикус», кипчакско-огузские памятники Мамлюкского Египта, рукописи из Каменец-Подольска, писанные армянским алфавитом (А. Н. Гаркавец, Я. Р. Дашкевич, И. А. Абдуллин, А. А. Чеченов и др.).

Особым разделом восточного лингвистического источниковедения является изучение теории и практики восточных лингвистических школ, для тюркологов прежде всего арабской, восходящей, как и европейское языкознание, к античной традиции. Средневековые тюркские словари и грамматики по своей структуре и терминологии целиком основывались на арабской грамматической схеме. (Заметим попутно, что ни средневековая, ни традиционная европейская грамматические системы не вскрывают в достаточной мере специфику тюркской морфологии и синтаксиса, поэтому необходим дальнейший пересмотр давно утвердившихся приемов описания). В этой отрасли в последнее время прибавилось: «Изысканный дар тюркскому языку». (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке). Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой (Ташкент, 1978); А. И. Чайковская. Тюркская грамматика в арабоязычных филологических трактатах XIII—XIV вв. Глагол. (Ташкент, 1981).

Лингвистическое наследие поэта и ученого Алишера Навои (1441—1501) еще ждет своего обстоятельного изучения, начало которому уже положено рядом работ (А. Усманов, У. Санакулов). Его трактат «Тяжба двух языков», имеющий большое значение для изучения истории узбекского языка, переведенный ранее на турецкий, персидский и английский языки, ныне переведен А. Н. Малеховой на русский язык. Важно не ослаблять усилий и по изучению самого языка произведений А. Навои как литературного языка определенной эпохи [43].

Исследование в лингвистических целях ханских жалованных актов-ярлыков, ханских посланий-битиков, родословных-шаджара/шеджере и

других исторических источников на тюркских языках, несмотря на предшествующую довольно длительную традицию по темпам и размаху их изучения в настоящее время нельзя признать удовлетворительным, хотя их значение для исторической грамматики и лексики очевидно (в историко-археографическом плане названные источники изучаются довольно активно, см., например [44—46]).

Изучение языка тюркского фольклора сулит немалую пользу как для общих сравнительно-исторических штудий, так и для истории отдельных тюркских языков. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР издает серию «Эпос народов СССР», в которой публикуются и памятники тюркского эпоса в транскрипции и переводе на русский язык (подробнее см. статьи А. А. Петросян, А. С. Мирбадалевой, И. В. Кидайш-Покровской — СТ, 1982, № 3).

Диалектография и диалектология. Наличие во всех тюркоязычных республиках и областях специальных научно-исследовательских подразделений (отделов, секторов и т. п.), занимающихся изучением диалектов, сыграло важную роль в создании описательных работ по отдельным диалектам, говорам, группам диалектов; большое количество записей и исследований по диалектам тюркских языков СССР позволило приступить к подготовке обобщающих трудов, прежде всего Диалектологического атласа тюркских языков (ДАТЯ), в разработке основных положений которого деятельное участие принимал В. М. Жирмунский. Работа по созданию ДАТЯ, которой руководит комиссия во главе с М. Ш. Ширалиевым при постоянной консультации М. А. Бородиной, приближается к окончанию (см. ВЯ, 1983, № 6, с. 155); подготовлены и находятся в стадии завершения диалектологические атласы азербайджанского, чувашского, татарского, киргизского, казахского, узбекского, туркменского языков.

Учитывая исключительное значение единообразного описания лексики и фонетико-грамматического строя тюркских диалектов, Советский комитет тюркологов поручил Л. Т. Махмутовой разработать «Краткую схему описания тюркских диалектов», которая опубликована в журнале «Советская тюркология» (1983, № 5).

Ближайшими задачами в области тюркской диалектологии является систематизация по единой схеме фонетико-грамматических и лексических данных, представленных в диалектах и говорах, с целью использования их при разработке проблем исторической грамматики отдельных тюркских языков и общей сравнительно-исторической грамматики этих языков. Данные диалектов и говоров для немалого числа бесписьменных в прошлом тюркских языков являются единственными источниками при изучении их истории; для старописьменных языков диалектальные данные как отражающие живую речь являются необходимым «поправочным коэффициентом» к показаниям письменно-литературных языков.

Весьма положительной оценки заслуживает создание диалектологических словарей по ряду языков: азербайджанского (Баку, 1964), казахского (Алма-Ата, 1969), татарского (Казань, 1969), узбекского (Ташкент, 1971), киргизского (Фрунзе, 1976), якутского (М., 1976), туркменского (Ашхабад, 1977). Очень много у нас в стране, особенно на местах, издается статей и книг, содержащих анализ самых разнообразных тюркских диалектов и говоров или отдельных диалектных черт и особенностей, так что нет возможности указать сколько-нибудь полную библиографию вопроса (см., например, [2, с. 18, примеч. 32]).

И тем не менее следует подчеркнуть, что опубликована лишь малая часть весьма обширных собраний лексики и иных диалектных материалов. Эту труднейшую работу необходимо настойчиво продолжать. Здесь, очевидно, надо шире внедрять в практику депонирование подготовленных к печати записей текстов, словарей, фонетико-грамматических очерков и т. п., с тем, чтобы подобные труды (дающие все права авторства, в том числе при защите диссертаций, а также не исключающие последующей публикации) становились известны и доступны широкому кругу специалистов возможно скорее.

Лингвогеография и ареально-лингвистические исследования являются сравнительно молодой отраслью тюркского языковедения. Пионерами тюркской лингвогеографии были В. А. Богородицкий и Е. Д. Поливанов [47]; детальная разработка этого направления тюркского языковедения в 60-е годы является заслугой В. М. Жирмунского [48].

Содержание терминов „ареальная лингвистика“ и „лингвистическая география“ не следует отождествлять, так как ареальная, или пространственная, лингвистика, заслуживающая быть выделенной в самостоятельное лингвистическое направление, имеет как синхронный, так и диахронный планы исследования» [49, с. 5]. Также строго следует различать задачи и объекты диалектологии и ареальной лингвистики [49, с. 18—19]. С другой стороны, ареальная география и ареальная лингвистика, опираясь на диалектологию, приобретают способность охватывать одновременно большие территории и большое количество фактов и, следовательно, приобретают новые возможности для широких обобщений [50].

Идеи ареальной лингвистики получили свое развитие в трудах Н. З. Гаджиевой, Е. И. Убрятовой, Э. Р. Тенишева, М. А. Бородиной, Г. Ф. Благовой (подробнее см. [51]).

Солидным вкладом в ареальные исследования тюркских языков является обстоятельный труд Т. М. Гаришова «Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики» (М., 1979), посвященный анализу взаимоотношений тюркских языков одного из ареалов их распространения.

Дальнейшее развитие ареальной лингвистики на материале тюркских языков теснейшим образом связано с совершенствованием методики подобных изысканий.

Лексикография и лексикология. Собрание и систематизация тюркской лексики в России имеет весьма длительную историю [9, с. 32 и сл., 317]. В послеоктябрьскую эпоху одной из первоочередных задач явилось составление тюркских словарей самого различного назначения. Озирая путь, пройденный отечественной лексикографией за последние полвека, можно без преувеличения сказать, что проделана огромная работа, в результате которой были составлены как общие двуязычные национально-русские и русско-национальные словари, так и множество специальных (терминологических, орфографических и т. п.).

Особо следует отметить издание многотомных толковых словарей: туркменского (Ашхабад, 1962), азербайджанского (Баку, 1966), казахского (Алма-Ата, 1951—1961; новое изд.— 7-й т., Алма-Ата, 1982), татарского (Казань, 1981), узбекского (М., 1981) языков.

Безусловными достижениями отмечены историческая лексикография и лексикология: «Древнетюркский словарь» (Л., 1969), Э. Наджип. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосроу и Ширин» Кутба. Кн. I (М., 1979), Толковый словарь языка прозаведений Алишера Навои. I, II (Ташкент, 1983; 1984; на узб. яз.).

Важное общетюркологическое значение имеет издающийся «Этимологический словарь тюркских языков» (I—II—III, М., 1974, 1978, 1980), составленный Э. В. Севортьяном (1901—1978), возглавлявшим группу сотрудников Сектора тюркских и монгольских языков ИЯ АН СССР; работа над словарем продолжается той же группой под руководством Л. С. Левитской (сдан в печать IV том). Словарь послужит надежной базой для этимологических словарей отдельных тюркских языков, разработка которых остается одной из актуальнейших задач; ранее в числе первых опытов были изданы «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1964) и «Краткий этимологический словарь казахского языка», составленный коллективом авторов (Алма-Ата, 1966; на казах. яз.). В настоящее время ведется работа по подготовке этимологических словарей азербайджанского, башкирского, казахского, татарского, тувинского, чувашского языков.

Преодоление трудностей, связанных с этой тонкой исследовательской работой, сдерживается отсутствием строго очерченных границ этимоло-

гивирования, четкого определения состава словника этимологического словаря каждого данного языка, общепринятых принципов этимологизации заимствований, нерешенностью ряда других методических и технических вопросов; слабо, чтобы не сказать определеннее, разработана на материале тюркских языков методика семантической реконструкции.

Для изучения тюркской лексики в ее историческом развитии необходимо глубже вникать в традиционные методы восточной лексикографии и шире привлекать сами памятники тюркской лексикографии; к ним в первую очередь относятся «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского (XI в.), русский перевод которого подготовлен к изданию А. Рустамовым (Ташкент), «Сангях» Мехди-хана (XVIII в.) и целый ряд других сочинений (подробнее см. [1, с. 19—20]).

В настоящее время, когда основные памятники тюркской лексикографии достаточно полно изучены, на очереди стоит создание сводного труда на основе всех имеющихся словарей и других источников.

Синхроническая и диахроническая лексикология, изучающая синхронное состояние и исторические процессы постоянной смены и семантического развития лексики отдельных тюркских языков, либо каких-то их ареалов, либо всей семьи в целом, является обширной исследовательской областью тюркского языкознания, в которой выполнено значительное количество, в том числе крупных, работ (см. [1, с. 21; 2, с. 9; 26, с. 225—233]) и которая непрерывно пополняется новыми публикациями [52—55]).

Исследование лексики как в плане синхронии, так и в плане диахронии органически связано с изучением фразеологии, семасиологии и терминологии. Эти проблемы в последние годы привлекают все возрастающее внимание, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в том числе словари [56, 57]; однако в этой области немало «белых» пятен. Так, важной и крайне необходимой, но еще недостаточно изученной темой является тюркская профессиональная и специальная лексика.

В обширной области лексикологии важное место занимает ономастика, изучающая собственные имена: антропонимы, топонимы, этнонимы, космонимы, зоонимы, оронимы, гидронимы и т. п. Изучение зарождения и развития ономастических систем в каждом данном языке и в семье языков должно базироваться на лингвистических, исторических и этнографических данных. Ономастика всегда имеет свою лексико-грамматическую систему, которую и надлежит выявить ее исследователю. Из последних по времени работ в области тюркской ономастики следует отметить [58—63].

Исключительно важное место в исторической лексикологии занимает изучение заимствованной лексики разных эпох.

Взаимодействие русского и тюркских языков представлено двумя основными темами: тюркизмы в русском языке и русизмы в тюркских языках: первая из них является традиционной в русской тюркологии (обширную библиографию вопроса см. в [64], сюда же [65, 66]), вторая — находит в последнее время все возрастающее число исследователей, особенно в республиках. Для полного выявления и объяснения тюркизмов в русском языке необходимо предпринять сплошное обследование семнадцатитомного Словаря русского языка, Словарей русского языка XI—XVII вв. и XVIII—XIX вв., «Лексикона» В. Н. Татищева, «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского и других русских лексикографических трудов, продолжая работу, начатую тюркологами прошлого. Особое место — по количеству и своеобразию фонетической и семантической адаптации — занимают ориентализмы в лексике русских народных говоров, изучение которых в этом плане ждет своих исследователей.

Не меньшее значение имеет изучение и других слоев заимствованной лексики — средневековой (арабской, иранской), более ранней (среднеперсидской, согдийской, китайской); особый интерес представляет исследование доисторических заимствований с задачей разработки методики определения таких заимствований. Последнее имеет самое непосредственное отношение к проблеме родства/неродства тюркских языков с другими алтайскими.

«Алтайская теория» обсуждается в науке давно [67, с. 67—69; 68—71], и дискуссия по этой проблеме не утихает, обнаруживая самые различные подходы как среди сторонников генетического родства алтайских языков, так и среди тех, кто объясняет наличие общих элементов в них типологическим сходством (преимущественно в фонетике, грамматике) и древними ареальными связями (преимущественно в лексике)⁴. В. М. Иллич-Свитыч признавал, что «родство трех алтайских языковых групп (тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской.— К. А.), несомненно, является весьма отдаленным», на что указывают «глубокие расхождения, существующие (прежде всего в области основного словарного фонда) между отдельными семьями алтайских языков» [67, с. 69]. Основываясь на такой посылке, Вяч. Вс. Иванов высказал предположение, что «... языки, объединяемые полезным классификационным термином „алтайские“ (тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский, пракорейский и, вероятно, прааппонский), могли происходить из определенной части (восточно-)постратического диалектного континуума и без промежуточного алтайского праязыка» [74, с. 202—203]. Это положение, чтобы стать действительной гипотезой, нуждается в дальнейшем обосновании путем практических изысканий в необъятной постратической макросемье языков, для чего, в свою очередь, требуется совершенствовать методику подобных сопоставлений*. Во всяком случае при указанном допущении представляется методически оправданным (по крайней мере, в области морфологии) стремление до получения системы праформ придерживаться независимой или автономной реконструкции для каждой из групп языков, после чего уже возможно сопоставление таких реконструируемых систем [75, с. 3, 73—74].

Несмотря на нерешенность, как это очевидно, многих теоретических и методических вопросов, разработка проблем взаимосвязей тюркских языков с другими алтайскими и постратическими ведется активно и у нас в стране, и за границей. Здесь можно отметить серию трудов ленинградских алтаистов [76—80]; большое число алтаистических сопоставлений содержат упоминавшийся «Этимологический словарь тюркских языков» и «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (I, II, Л., 1975, 1977), составленный под руководством В. И. Цинциус (1903—1983). Появились новые опыты, продолжающие старую традицию сравнительного (скорее — сопоставительного) исследования тюркских языков с монгольскими [81, 82], тунгусо-маньчжурскими [83], дравидийскими, вновь оживился интерес к японскому языку как одному из членов алтайской семьи [84—86].

Использование всех возможностей, которые предоставляют фактические данные алтайских языков (каково бы ни было их происхождение), — это единственный путь (пусть даже это «путь проб и ошибок»), чтобы приблизиться к решению задачи создания сравнительно-исторической грамматики алтайских языков. Отказаться от использования таких возможностей — это значит лишить себя единственной возможности выйти за ограниченные рамки отдельных языковых групп.

Здесь мы не имеем возможности остановиться подробнее на ряде важных задач в таких отраслях тюркской филологии, пытающихся тюркское языкознание, как описание, изучение и издание тюркоязычных рукописей (что настоятельно вызывает к росту издательских возможностей), библиографическая и биобиблиографическая работа. Особого рассмотрения требует вопрос о подготовке квалифицированных научных кадров, в особенности специалистов широкого профиля (обо всем этом подробнее см. [1, с. 24—25]).

Ближайшие задачи, стоящие перед советскими тюркологами, четко и ясно сформулированы в резолюциях 2-й [4, с. 392—396] и 3-й (СТ, 1981, № 2) Всесоюзных тюркологических конференций.

⁴ Подробнее с обширной литературой вопроса см. названные выше [67—71], из числа последних публикаций [72—75].

* См. также статью «О постратических исследованиях с позиций тюрколога» А. М. Щербака в настоящем номере (*Примеч. ред.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов А. Н. Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы. — ВЯ, 1977, № 3.
2. Кононов А. Н., Тенишев Э. Р., Фазылов Э. И. Тюркское языкознание в СССР: итоги и перспективы. — СТ, 1981, № 1.
3. [Колл. авт.]. Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания. — СТ, 1982, № 6.
4. Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции 27—29 сентября 1976 г. г. Алма-Ата. Алма-Ата, 1980.
5. Язык в развитии социалистическом обществе. М., 1982.
6. Взаимовлияние и взаимообогащение народов СССР (на материале автономных республик Поволжья и Приуралья). Казань, 1982.
7. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М., 1983.
8. Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982.
9. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд. Л., 1982.
10. Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984.
11. Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.
12. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
13. Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I. М., 1979; ч. II. Саратов, 1981.
14. Тенишев Э. Р. Уйгурские тексты. М., 1984.
15. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., ч. 1, 1965; ч. 2, 1977.
16. Юлдашева А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.
17. Гусев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — СТ, 1981, № 3.
18. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 513—538.
19. Азматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаевско-балкарском языке. (Основные вопросы теории). Нальчик, 1983.
20. Насилов Д. М. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмши* в узбекском языке. — В кн.: Категории глагола и структура предложения. Л., 1983.
21. Насилов Д. М. Стагив и порфект пассива в узбекском языке. — В кн.: Типология результативных конструкций. Л., 1983.
22. Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980.
23. Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981.
24. Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982.
25. Сабзатов Р. Г. Теория предикативности (на материале татарского языка). Саратов, 1984.
26. Гаджиева Н. З., Левитская Л. С., Тенишев Э. Р. Тюркские языки. — В кн.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М., 1981 (литература — с. 337—344).
27. Абдураимова Ф., Шукуров Ш. Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973.
28. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
29. Азнабаев А. М., Ислямов В. Ш. Историческая грамматика башкирского языка: Учебное пособие. Уфа, 1984.
30. Наджил Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1965.
31. Курьшизматов А. К. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв. Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Алма-Ата, 1973.
32. Закиев М. З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков. — СТ, 1975, № 5.
33. Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977; основные положения по-русски: Закиев М. З. Об истоках языка основных компонентов казанских татар. — В кн.: Вопросы татарского языкознания. Казань, 1978.
34. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
35. Азматов И. Х. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. (Фонетика и лексика). М., 1978.
36. Азматов И. Х. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
37. Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, I, 1980; II, 1983.
38. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
39. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981.
40. Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. (Опыт систематизации). М., 1933.

41. Кормушин И. В. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I. — В кн.: Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
42. Тузусева Л. Ю. О структуре древнеуйгурских текстов. — В кн.: Тюркологический сборник. 1977.
43. Абдурамонов Г., Рустамов А. Новейший тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент. 1984.
44. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972.
45. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.
46. Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.
47. Благова Г. Ф. Е. Д. Цоливанов и тюркская ареальная лингвистика. (К девяностолетию со дня рождения). — СТ, 1981, № 1.
48. Жирмунский В. М. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — Тюркологический сборник. М., 1966.
49. Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975.
50. Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979, с. 8—9.
51. Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. (Юго-восточный регион). М., 1982.
52. Антелава Г. И. Словарь новых слов в турецком языке. Тбилиси, 1980.
53. Лексикология узбекского языка. Ташкент, 1981 (на узб. яз.).
54. Гулямов Х. Узбекско-таджикские языковые связи. Лексико-этимологические исследования. Ташкент, 1983.
55. Баскаков А. И. Лексикология и фразеология турецкого языка. М., 1983.
56. Чернов М. Ф. Чувашско-русский фразеологический словарь. Чебоксары, 1982.
57. Ахатов Г. Х. Фразеологический словарь татарского языка. Казань, 1982.
58. Коккобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980.
59. Саттаров Г. Ф. Татар исемнәре сүзлегә. Казань, 1981.
60. Джамузакот Т. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982.
61. Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Черкесск. 1982.
62. Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов. 1982.
63. Молчанова О. Т. Опыт сравнительно-исторического и типологического исследования тюркской топонимии Горно-Алтайской автономной области: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1983.
64. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках. Сост. Добродомов И. Г., Романова Г. Я. — В кн.: Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 211—238.
65. Юналеева Р. А. Опыт исследования заимствований. (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982.
66. Шеломенцева З. С. Взаимодействие русского и тюркских языков. Краснодар, 1980.
67. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения истратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b—k). М., 1971.
68. Тюркское языкознание в СССР за шестьдесят лет. — СТ, 1977, № 6, с. 18—19.
69. Насилов Д. М. Из истории алтаистики. — СТ, 1977, № 3.
70. Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности. (К истории проблемы). — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
71. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
72. Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема. — ВЯ, 1981, № 4.
73. Андреев Н. Д., Суник О. П. О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения. — ВЯ, 1982, № 2.
74. Иванов Вяч. Вс. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн. Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
75. Кормушин И. В. Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
76. Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. См. рецензии на этот сборник Г. Дёрфера (ВЯ, 1972, № 3) и Н. Поппе (Central Asiatic Journal, 1972, N 16).
77. Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
78. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. (Рецензию Т. Текина см.: FUF, 1983, Bd. XLV).
79. Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
80. Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. В сравнении с другими алтайскими языками. Л., 1982.
81. Сутячев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.
82. Мамедов А. Н. Сравнительно-историческое исследование современного азербайджанского и монгольского языков. Баку, 1978.
83. Чупаева Я. Лексические взаимосвязи тунгусо-маньчжурских и древнетюркских языков. Ашхабад, 1983.
84. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972.
85. Сыромятников Н. А. Как отличить заимствования от исконных общностей в алтайских языках? — ВЯ, 1975, № 3.
86. Азербайев Э. Г. Вопросы японско-тюркских языковых связей: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.